

Восемь часов утра, вилла семьи Шэнь.

Се Шицин постучал кончиками пальцев по краю чайной чашки, задавая ритм, но взгляд его оставался острым, как у хищной птицы:

— До меня дошли слухи, что Шэнь в последнее время пытается прибрать к рукам проект застройки в южной части города? Как раз в этой сфере у меня есть некоторые интересы.

Отец Шэнь почувствовал, как по лбу скатилась капля пота:

— Да, да, это лишь мелкие начинания...

— О? — Се Шицин усмехнулся. — А я слышал, что для этого Шэнь задействовали немало... специфических связей?

Он многозначительно посмотрел в сторону второго этажа.

Чайная ложка в руке матери Шэнь с лязгом ударилась о край чашки:

— Господин Се, вы шутите. Мы всегда чтим закон и порядок...

— Неужели? — Се Шицин внезапно подался вперед. — Тогда почему в доверительном фонде на имя Шань Шубая в прошлом году была зафиксирована аномальная трата в три миллиона?

Лицо отца Шэнь мгновенно побелело.

Се Шицин продолжал спрашивать, не торопясь:

— Почему на документах о смене опекуна стоит подпись, выполненная не его рукой?

— Почему страховые выплаты за его родителей до сих пор не поступили на счет?

— Почему его картины участвуют в выставках и получают награды, но подписаны фондом искусств Шэнь?

— Почему в его медицинской карте за последние три года зафиксировано семнадцать случаев анафилактического шока?

— Почему на его талии остались старые шрамы от связывающих ремней? И почему их так много на запястьях и лодыжках?

— Почему... — он вдруг указал на висящий на стене портрет, — отчет о вскрытии его родителей не совпадает с заключением об автокатастрофе?

Каждый вопрос падал, словно тяжелый молот, лишая родителей Шэнь дара речи.

Шэнь Яньчу, развалившись на диване, вертел в руках зажигалку, полностью игнорируя

молящие взгляды родителей. Скука. Тошнотворно.

— Где комната ребенка? — Се Шицин внезапно поднялся.

В гостиной воцарилась мертвая тишина.

Шэнь Яньчу щелчком закрыл зажигалку:

— Самая дальняя кладовка на втором этаже. Если цитировать их слова: всякой дряни место в чулане.

Се Шицин бросил ледяной взгляд на стариков и, развернувшись, вышел, взметнув полами пальто воздух.

Стоило ему завернуть за угол лестницы, как внизу раздался истерический крик матери Шэнь:

— Шэнь Яньчу! Ты вообще еще считаешь себя частью семьи Шэнь?!

— Мы растили тебя столько лет... — отец Шэнь разбил чашку об пол, — только для того, чтобы ты помогал чужаку вонзить нам нож в спину?

Шэнь Яньчу медленно выпустил кольцо дыма:

— Вы еще помните? Когда мне было десять, вы заставили меня съесть целую тарелку креветок, чтобы угодить семье Шань. Хотя знали, что у меня аллергия.

— Это было ради твоего же блага! — мать Шэнь схватила вазу и швырнула ее в него. — Если бы не наши старания, где бы ты был сейчас?!

Ваза разлетелась вдребезги у ног Шэнь Яньчу. Он стряхнул несуществующую пыль с брюк:

— Старания? — он холодно усмехнулся. — Вы имеете в виду подделку завещания? Или жестокое обращение с ребенком? К тому же Се Шицин сейчас увлечен Шань Шубаем, а я, как его друг, просто обязан не мешать. Так что это я ради вашего же блага стараюсь. Если он разозлится из-за того, что я встал у него на пути, вы сможете это вынести?

— Мерзавец! — отец Шэнь бросился на него, чтобы ударить, но Шэнь Яньчу крепко перехватил его запястье.

— Оставь свои силы, — он оттолкнул отца. — Если не начнете относиться к Шань Шубаю лучше, то вашим хорошим денькам... — он поднял взгляд на второй этаж, — пришел конец.

Наверху Се Шицин стоял у входа в крошечную кладовку.

Через щель в двери он увидел Шань Шубая, свернувшегося на раскладушке. В руках он крепко сжимал выцветшего игрушечного кролика — последнее, что осталось от родителей.

Солнечный свет из окна так и не смог проникнуть в этот угол.

Се Шицин толкнул скрипучую деревянную дверь, и его зрачки слегка сузились.

Кладовка площадью меньше десяти квадратных метров была вычищена до блеска: швы между плитками в санузле сияли белизной, карандаши на столе были разложены по длине, даже суккулент на подоконнике выглядел идеально симметричным.

Шань Шубай спал, свернувшись калачиком, обнимая игрушку. Утренний свет пробивался сквозь жалюзи, оставляя на его лице мелкие пятнышки, а ресницы в полусне слегка дрожали, словно крылья умирающей бабочки.

Се Шицин занес руку над его щекой, но лишь осторожно коснулся выбившейся пряди волос.

Деревянная лестница, ведущая на чердак, жалобно застонала под его весом.

Когда Се Шицин приподнял потолочный люк, его внезапно накрыла волна золотого света.

Утреннее солнце лилось из восточного окна, окрашивая пространство в медовые тона. С наклонного потолка свисали два десятка самодельных светильников, на каждом абажуре была вручную нарисована туманность.

Все четыре стены были оклеены набросками: бездомная кошка на подоконнике, паутина после дождя, даже сорванные цветы из сада семьи Шэнь — под рукой Шань Шубая всё это обретало божественное сияние.

Се Шицин провел пальцами по неровным линиям.

Нажим карандаша был то легким, как перышко, то резким, как лезвие — местами бумага была прорезана насквозь. Он вдруг вспомнил, как вчера утром Шань Шубай держал палочки — на пальцах были мозоли от долгого письма.

В центре чердака стоял мольберт, накрытый выстиранной до белизны простыней. Когда Се Шицин сдернул ее, дыхание его замерло.

Маки, усеявшие холм, полыхали, словно огонь; светлячки парили в сумерках, а лунный свет окаймлял всё серебром.

Мужчина в центре картины улыбался, оглядываясь назад: приподнятые брови, слегка прищуренные глаза, даже складки на рубашке от ветра были переданы с невероятной точностью. Хотя это был лишь набросок, на нем был запечатлен именно тот момент позапрошлой ночью, когда он слушал Шань Шубая в закускойной.

В груди Се Шицина заныло.

Он никогда не думал, что Шань Шубай видит его таким... с таким глубоким чувством.

На картине он стоял в свете, а тот, кто рисовал, прятался в тени чердака, раз за разом выводя карандашом этот призрачный свет.

Утренний ветер дернул занавеску, листы бумаги зашуршали. Только тогда Се Шицин заметил, что вся обратная сторона мольберта была оклеена набросками — все они были посвящены ему.

Он за чаем, он за рулем, даже то, как он хмурится с сигаретой в руках — всё было запечатлено навечно. На самом старом наброске стояла дата трехлетней давности, когда они даже не были знакомы.

Снизу донесся звон разбитого фарфора.

Се Шицин взглянул в вентиляционное отверстие, откуда была видна гостиная: Шэнь Яньчу прижал отца к дивану, а крик матери Шэнь полоснул по ушам, как нож по стеклу.

Он снова посмотрел на улыбающееся лицо на рисунке и вдруг понял, как Шань Шубай смог сохранить чистоту в этом аду: он давным-давно построил для себя идеальный мир.

Се Шицин стоял перед картиной, зависнув пальцами в нескольких миллиметрах от бумаги, словно боясь потревожить того себя, на которого смотрели с такой нежностью. Он достал телефон и сфотографировал рисунок, объектив скользнул по дате в углу — это был тот самый вечер, когда они вернулись.

Вернувшись в крошечную спальню, Се Шицин сел на край кровати. Утренний свет очертил золотом контур Шань Шубая.

Кончиками пальцев он нежно обвел черты лица юноши: в слегка нахмуренных бровях прятались звезды, в тени ресниц покоился лунный свет, даже маленькая родинка на шее казалась киноварью, нанесенной рукой самой богини.

Родинка была красной, прямо у основания шеи. Обычно под одеждой ее не видно, но из-за того, что Шань Шубай во сне ворочался, воротник пижамы сбился.

Как человек, три года запертый на чердаке, может продолжать рисовать мир цветными карандашами?

Казалось, он был воплощением той самой слезы, что пролила богиня из жалости к людям. А поскольку слеза была цветной, то и мир, который видел Шань Шубай, был полон красок.

Се Шицин вспомнил шашлычки, которые тот протянул ему в закускойной, бережно разделенный стаканчик чая, дрожащий голос с извинениями во время приступа аллергии. Этот юноша был похож на белую розу, растущую на краю обрыва: корни впились в трещины скал, но лепестки всегда тянулись к солнцу.

Он наклонился и коснулся губами изящного переносицы Шань Шубая. Этот поцелуй был легким, как капля росы, и в нем чувствовалась почти благоговейная дрожь.

— М-м... — Шань Шубай пробормотал что-то во сне и неосознанно прижался к источнику тепла.

Се Шицин замер, глядя на выражение удовлетворения на его лице, и самая твердая часть его сердца рухнула.

Он заслуживает того, чтобы его носили на руках, заслуживает лучших красок, заслуживает стоять в лучах прожекторов под аплодисменты, а не быть запертым в темном чердаке, рисуя подарки, которые никогда не сможет вручить.

Се Шицин в последний раз поцеловал его в лоб, а когда поднялся, нежность в его глазах сменилась льдом.

В гостиную родители Шэнь рычали на Шэнь Яньчу.

Жемчужное ожерелье матери Шэнь лопнуло от резких движений, рассыпавшиеся бусины были похожи на ее рушащуюся маску:

— Ты хоть понимаешь, сколько проектов в руках у семьи Се?!

— Понимаю, — Шэнь Яньчу вертел зажигалку, пламя плясало в его зрачках. — Поэтому вам лучше подумать...

Се Шицин одним ударом ноги снес демонстрационный стол у лестницы, фарфор на нем разлетелся вдребезги.

Солнечный свет ворвался из-за его спины, превращая его тень в карающий меч. Крик матери Шэнь застрял в горле, чашка в руках отца Шэнь с грохотом упала на пол.

— В десять утра, — голос Се Шицина был холодным, как закаленная сталь, — я пришлю людей забрать Шубая. — Он невозмутимо поправил запонки. — И его принадлежности для рисования.

Шэнь Яньчу внезапно рассмеялся и швырнул на журнальный столик папку с документами.

Выписка из доверительного фонда ослепительно белела на утреннем свету, а на последней странице отчета о генетической экспертизе красным маркером была обведена фраза: биологическое родство отсутствует.

— Забыл сказать, — Се Шицин сел, и полы его пальто описали резкий дугу. — С сегодняшнего дня семья Се полностью прекращает сотрудничество с Шэнь.

За окном суккулент, который так берег Шань Шубай, расправлял листья под солнцем.

А на мольберте на чердаке Се Шицин, окруженный светлячками, был навеки запечатлен в момент, когда он оглянулся назад — словно судьба написала ответ еще три года назад.

<http://bllate.org/book/20752/2080749>